

Никки Каллен

Гель–Грин
центр земли

Москва
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление переплета
художника *Дениса Давыдова*

Каллен, Никки.

К17 Гель-Грин, центр земли / Никки Каллен. —
Москва : Яуза-каталог, 2018. — 288 с., ил.

ISBN 978-5-9500752-2-3

Гель-Грин — это тысячи километров от дома; это место, полное открытий и запахов; «Гель-Грин... — будто это имя Бога». «Гель-Грин, центр земли» — это четыре абсолютно непохожие друг на друга истории, которые перенесут вас в далекий и сказочный город на берегу бухты Анива, где живут обычные люди с необыкновенно красивыми именами: Свет, Цвет, Лютеция, Река, Анри-Поль — герои, в которых нельзя не влюбиться. Настоящие, живые и такие неземные.

Мастерски сочетая простоту и богатство мысли, используя особое композиционное построение и нестандартную форму изложения, Никки создает свой неповторимый мир — рассказы-настроения с волшебной атмосферой. Рассказы, которые нельзя забыть, которые ворвутся в вашу жизнь, — и кто знает, возможно, через несколько лет на карте появится новый, невыдуманный, город-порт... Гель-Грин.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9500752-2-3

© ООО «Яуза-каталог», 2018

Содержание

Воспоминания о кораблях	7
Дикий сад	103
Мельница и часы	161
Ночь в белом бархате	237

Воспоминания
о кораблях

Когда Стефану ван Марвесу исполнилось пятнадцать, в ясный, как синий цвет, осенний день у него родился первый сын — от его одноклассницы Капельки Рафаэль, которой всё еще было четырнадцать. За восемь месяцев до этого дня был собран семейный совет: папа, мама, дядя, который так и не женился, и старший брат Стефана — Эдвард, который собирался жениться через полгода на девушке с глазами цвета ранних яблок; у папы — сеть гостиниц по стране; в общем, хорошая партия; теперь же из-за этого маленького мальчика с одиноким узким семейным лицом, будто он думает о Древнем Риме, могло расстроиться всё — скандал, да и только; подали кофе: папе — венский, со сливками и сахаром, маме — глясе, дяде — черный, по-турецки, в крошечной чашечке; а брат не пил кофе из-за погоды и мигрени. Стефану даже никто не предложил; он стоял у окна, в шторах из зеленого бархата, заплел бахрому в косички, и смотрел, как медленно падает снег, и ни о чем не думал. Даже о Капельке; в отличие от него, она ничего не боялась в этом мире: ни пауков, ни своей семьи; Рафаэли были хиппи, и дети для них были чем-то насущным, как

хлеб; в детях настоящая радость, а не в карьере; и ребенка она гранитно решила оставить. Они занимались «этим» всего раз: на диване её старшего брата Реки; тот был в отъезде — автостопил до моря, и она жила временно в его комнате. Все стены обклеены морем, и книги на полках из ясеня — сам делал, видно даже следы рубанка — только про море; она их читала, и под диван упал «Тайный Меридиан» Перес-Реверте; они долго и старательно целовались, потом Стефан стянул с неё замшевую кофту с бахромой — она всегда носила замшевые вещи с бахромой и много-много бус — из дерева и бисера; амулетики с выпученными глазами, крыльями и тысячей ног и коса до пола — словно Рапунцель; только мама всей семьи захотела с ней познакомиться и сказала: «Рапунцель». Стефану было больно, Капельке — нет; и через две недели, когда закончились зимние каникулы, она села за парту, молчаливая и сосредоточенная, хотя первым уроком была не математика, её любимая, а история Отечества; они сидели за одной партой с первого класса, после того как познакомились на линейке. Семейный совет собирался по поводу Стефана до этого раза еще два: когда мама объявила, что беременна, ей было сорок, и на совет пришел семейный врач, доктор Роберт — он-то и смотрел потом Капельку, ему она тоже понравилась «такая чистая и начитанная девочка»; и когда думали, в какую школу его отдать: военную, где учился Эдвард, частную или просто простую. За простую был дядя, он сказал: «Во-первых, вырастет демократом,

а во-вторых, научиться разговаривать с девочками, ну и, в-третьих, драться; а значит, будет настоящий человек», — и это прозвучало мудростью; обычно он думал только о деньгах и сигарах. И мама согласилась, купила Стефану форму цвета бирюзы, рюкзак из настоящей кожи, набила его бутербродами, села в «Тойоту-Камри» серебристую и привезла сына на праздничную линейку. И Стефан сразу ужасно всех испугался: он никогда еще не видел столько народу зараз; сжал до треска в стеблях букет белых астр и закрыл глаза; открыл, когда девочка, стоявшая рядом, спросила:

— А почему ты глаза закрыл — боишься?

Он сразу же открыл их и увидел её; рядом с ним стояло еще несколько девочек, но их он так и не увидел — до конца школы; а вот она сразу выделялась — тоже маленькая-маленькая, как и он, и в очень странном наряде — ни белых бантов, ни передничка кружевного; в длинной замшевой юбке, бусах из дерева, она была похожа на колдунью.

— Я ничего не боюсь, — сказал он, — я просто очень спать хочу...

В тот же день он первый раз подрался — за неё; она назвала свое имя и получила прозвище Капля-сопля, и дернули за косу, тогда до пояса едва. Стефан сказал: «Эй, не смейте!» — и получил в глаз; и весь следующий урок — рисование — они просидели вдвоем в девчачьем туалете: прикладывали к его распухшему, как гриб, глазу мокрые носовые платки, но синяк всё-таки выплыл — настоящий мальчишеский фингал; а вечером был

семейный ужин в честь первого сентября, и дядя, закуривая очередную сигару, повернулся поздравить Стефана и обомлел: «так скоро», — и даже спичкой ожегся... Все последующие дни Капельку после уроков встречал брат Река: он был красивый, словно снежная ночь. «Мама сказала, что они сделали его на очень красивом пляже, под звездами», — ответила маленькая Капелька на кокетливый вопрос молоденькой учительницы; темные волосы до плеч, карие глаза с ресницами, словно черные бабочки; курил без конца и брал Капельку за руку, и они шли: она — подпрыгивая, он — подволакивая ноги — застенчивые юноши часто так ходят, словно тащат груз; покупал ей мягкое мороженое и выслушивал всю детскую ерунду с чувством глубочайшего интереса. Стефан потом прочитает его рассказы о Капельке в тетрадке с парусным кораблем на обложке; и ему было непонятно и тоскливо — Эдвард никогда не заговаривал с ним, с рождения, и даже за столом просил маму: «Скажи ему, пусть передаст сливочник». Он шел за ними каждый вечер; прятался за тумбами в пестрых афишах, пока однажды Капелька всё-таки не заметила его в отражении витрины и не закричала: «Ой, Стефан! иди к нам!» — и он вышел, ожидая насмешек, как грязи, когда машина проезжает стремительно, нарочно; но Река молчал и улыбался своей неземной улыбкой; а потом они пошли к ним в гости — в огромный деревянный дом, в котором всё разваливалось и лежало не на своем месте: зубные щетки вместо гвоздей, рубашки на дверях, цветы росли из пианино; и по-

знакомился с остальными братьями и сестрами — всех назвали, словно открытки с видами: Облачко, Осень, Снежок, Лепесток, Ромашка, Луг, Калина; мама им всем приготовила огромный торт в честь Стефана, а папа зажег свечи в саду; и Стефану казалось, что он герой какой-то необыкновенно красивой книжки — про море, про далекие города, про детей, которым можно быть такими, какие они есть — странными и ясновидящими; и пропустил свою маму на «Тойоте-Камри». Она испугалась — похитили, подняла школьный двор, милицию, директрису; и так все узнали, что Марвес непростой...

Но оказалось, что он боится так много, словно ему уже не пятнадцать, когда можно водить корабли, а совсем мало; нужно сидеть в детской и играть в шахматы с медведем из плюша и бархата; он сначала не понял, что значит «беременна»; он смотрел, как Капелька раскладывает карандаши по пеналу, и слушал разговоры за спиной; а потом сказал маме — она уже вышла из ванной, в пижаме из блестящего атласа и, если бы не накладывала крем, могла бы сойти за фею из «Питера Пэна»; мама вскрикнула и разбила крем, ночной от морщин; на звук прибежал папа с биржевой газетой и смотрел на них, как на заговорщиков в Сенате — император. А через день собрали совет, и вот Стефан стоит и крутит бахрому; мама ездила в больницу к Капельке с мандаринами и персиками; но больше никто из семьи не захотел её видеть. И когда родился ребенок, он один поехал на автобусе на край города, где была больница; и увидел там опять Реку, не

менявшегося с возрастом, только проступила щетина, и её родителей с цветами; и ему было стыдно-стыдно: оказалось, мальчик. Его забрали Рафаэли; ван Марвесы предложили свою помощь: памперсы, питание, элитный детский сад; ван Марвесы были богаты — одни из самых богатых в стране; но Рафаэли отказались не потому что гордые, а потому что самое главное, что нужно, — это любовь, а её ван Марвесы дать не могли — странной девочке с ребенком, тоже оказавшимся странным; он никогда не плакал и только смотрел — огромными глазами цвета северного ветра, серыми, как затянувшийся на неделю дождь; его называли Светом, потому что он был беленький, будто сиял, будто родился не из плоти, а был принесен феей, и родился в ясный день. Стефан часто приходил к Рафаэлям, играл с ребенком; но Свет так и не привык к нему и «папой» назвал Реку; он рано очень заговорил и пошел, держась за руки всей семьи Рафаэлей; доктор Роберт приезжал его посмотреть по просьбе мамы ван Марвес и нашел его необыкновенным. Стефан боялся, что Капелька не будет с ним разговаривать, но она рассмеялась только на его робкую просьбу — «иногда видеться». «Что с тобой, Стефан? кого ты боишься? приходи по-прежнему, когда захочешь; ведь мы еще за партией вместе сидеть будем два года». В одиннадцатом классе у них родился второй ребенок, тоже мальчик; только в этот раз крикливый на редкость, сразу с золотыми волосами и глазами, как море и небо — сливаются в одно — головокружительно синими; его называли за яркость

Цвет и дали подержать Света. Семейный совет уже не собирался; дядя проклял тот день, когда посоветовал отдать Стефана в простую школу; у мамы случилась истерика, и её увезли в больницу; а всё опять из-за одного раза — он остался ночевать и впервые прикоснулся с рождения Света к Капельке; узнав, что опять беременна, она хохотала: «снайпер!» — и второго ребенка приняли Рафаэли. «Может, вам пожениться?» — робко предложил папа. — «Она не хочет», Капелька и вправду не хотела: «мы еще молодые»; они протанцевали вместе выпускной, Стефан поступил в университет на международную журналистику; богатством его родителей и дяди были СМИ: два мужских журнала, три женских, альманахи по цветоводству и вязанию; наука и медицина; автомобили и международная политика; экономика и бухгалтерия; два телеканала с новостями; утренние и вечерние газеты. Капелька еще не придумала, чем ей заняться; ей очень хотелось путешествовать: Река присылал ей открытки с разных красивых, как он, мест; и она собралась вслед за Рекой, но в самое сердце лета её сбила машина — она умерла легко и незаметно; словно улетела; и на её похороны приехали все ван Марвесы: привезли огромный белый венок, оплатили похороны, не слушая в этот раз Рафаэлей, и попросили детей. В доме снова обустроили детские, купили Цвету всё, что ему приглянулось; он носился по дому, играя в пиратов и разбойников; не знал слова «нельзя», пролезал везде: в кабинеты папы, Эдварда; мешал бумаги, рисовал на них цветы и ли-